

Интернет-журнал «Мир науки» ISSN 2309-4265 <http://mir-nauki.com/>

2017, Том 5, номер 4 (июль – август) <http://mir-nauki.com/vol5-4.html>

URL статьи: <http://mir-nauki.com/PDF/45PDMN417.pdf>

Статья опубликована 19.09.2017

Ссылка для цитирования этой статьи:

Чигишева О.П., Солтовец Е.М. Бондаренко А.В. Интерпретационное своеобразие концепта «функциональная грамотность» в российской и европейской теории образования // Интернет-журнал «Мир науки» 2017, Том 5, номер 4 <http://mir-nauki.com/PDF/45PDMN417.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ N 17-3601125 «Функциональная грамотность научно-педагогических кадров высшей квалификации в России и Великобритании: результаты международного компаративного исследования»

УДК 37.011

Чигишева Оксана Павловна

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Россия, Ростов-на-Дону¹

Академия психологии и педагогики

Доцент кафедры «Образования и педагогических наук»

Кандидат педагогических наук

E-mail: opchigisheva@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3358-2898>

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=909853

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/B-8244-2017>

SCOPUS: <http://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=56642818400>

Солтовец Елена Маратовна

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Россия, Ростов-на-Дону

Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Старший преподаватель кафедры «Английского языка гуманитарных факультетов»

E-mail: hsolt@mail.ru

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=636140

Бондаренко Анна Валерьевна

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Россия, Ростов-на-Дону

Магистрант кафедры «Образования и педагогических наук

Академии психологии и педагогики

E-mail: anna.bondarenko@sci-cooperation.ru

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=937261

Интерпретационное своеобразие концепта «функциональная грамотность» в российской и европейской теории образования

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей интерпретации концепта «функциональная грамотность», представленных в российской и европейской теории образования. Актуальность обращения к данной проблематике обусловлена ростом исследовательского интереса к обозначенному феномену и отсутствием единства в его понимании, что крайне необходимо в условиях всеобщей глобализации и роста конкуренции на рынке труда, продвижения идей устойчивого развития в большинстве стран мира и расширения возможностей для получения качественного образования в течение всей жизни. В

¹ 344038, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, пр. Михаила Нагибина, 13, ком. 242

статье представлены результаты кабинетного исследования, выполненного с преимущественным использованием теоретических методов. При анализе отечественных и зарубежных работ по проблеме исследования, а также документов, опубликованных по результатам международных мониторинговых программ в области грамотности (NALS, PIRLS, TIMSS, PIAAC) особый акцент был сделан на использовании интерпретации, прогнозирования и метода терминологического анализа. В ходе исследования было установлено, что в последнее время концепт «функциональная грамотность» испытывает тенденцию к росту количества интерпретаций и интерпретационных оснований, что свидетельствует о появлении новых видов грамотности и функциональной грамотности, качественное своеобразие которых варьируется в зависимости от определенного контекста: социально-экономического, информационно-технологического, утилитарно-прагматического, культурно-исторического и религиозного. В статье сделана попытка определить место концепта «функциональная грамотность» в категориально-понятийном аппарате современной педагогики и образования, а также представлен авторский прогноз в отношении его возможного развития под влиянием национальных и глобальных трансформаций в будущем.

Ключевые слова: функциональная грамотность; интерпретация; образовательная политика; трансформация; Россия; Европа

Введение

Современное мировое сообщество стремительно развивается, что ставит перед ним новые задачи, требующие международного взаимодействия в социальной и экологической сферах, а также в области экономики и образования [13]. Цели устойчивого развития (SDGs), определенные в стратегическом документе Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [31], появившемся в 2015 году, носят комплексный и сбалансированный характер, направлены на решение остро стоящих глобальных проблем. Обеспечение достижения *Цели 4. Обеспечение инклюзии и равенства при получении качественного образования и стимулирование обучения в течение всей жизни для всех* требует привлечения особого внимания теоретиков и практиков образования, специалистов в области образовательной политики к теоретико-прикладному переосмыслению концепта «функциональная грамотность» в трансформирующихся реалиях нового тысячелетия.

Стоит отметить, что волна профессионального интереса к обозначенной проблематике в мировом масштабе постоянно растет. Вслед за программной работой 1956 года В. С. Грэй, в которой функционально грамотный (*functionally literate*) человек рассматривался как обладающий умениями и навыками чтения и письма, позволявшими ему эффективно осуществлять ежедневную деятельность в его привычном социокультурном континууме [20], ЮНЕСКО в 1957 году наряду с понятиями «грамотность» и «минимальная грамотность» ввело в научно-педагогический тезаурус термин «функциональная грамотность», характеризовавший функциональный уровень индивида, от минимального до максимального, причем последний не имел точно определенных границ и находился в постоянной точке роста [38]. Это ознаменовало новый этап в развитии таких направлений в мировом образовании как непрерывное образование взрослых и обучение в течение всей жизни [12], повлияло на расширение спектра и глубины педагогических исследований, посвященных теоретико-методологическим и терминологическим трансформациям в теории и практике педагогики и образования под влиянием транскультурных и глобализационных сдвигов [11, 14, 18].

Анализируемый концепт получил дальнейшее переосмысление в программных документах ЮНЕСКО (Всемирные доклады по мониторингу ОДВ, Ежегодные доклады

ЮНЕСКО по мониторингу образования для всех и др.), а также был имплицитно отрефлектирован в ряде работ современных зарубежных и отечественных исследователей, которые обращались к рассмотрению вопросов, связанных с «новой грамотностью» XXI века [4], функциональной иноязычной грамотностью [15, 34], грамотностью взрослых как механизмом социальной инклюзии [24], функциональной медицинской [33] и финансовой грамотностью [21].

Цель и методы исследования

Рост количества тематических публикаций и появление качественно новых локусов в рассмотрении концепта «функциональная грамотность» косвенно свидетельствуют о существовании его множественных интерпретационных вариаций в российской и европейской теории образования, что остро актуализирует необходимость проведения анализа интерпретаций данного концепта, представленных в документах международных организаций, мониторинговых исследованиях, отечественных и зарубежных изданиях, с целью выявления их качественного своеобразия с позиции контекстного подхода, определения места в категориально-понятийном аппарате современной педагогики и образования наряду с прогнозированием возможностей для дальнейшего развития концепта.

Для достижения поставленной цели нами было проведено кабинетное исследование с использованием преимущественно теоретических методов: научной абстракции, анализа, синтеза, абстрагирования, интерпретации, сопоставления, генерализации, прогнозирования. Из специальных методов исследования был использован метод терминологического анализа для выявления принципиально нового смыслового наполнения исследуемого концепта, приводящего в отдельных случаях к легко прогнозируемому росту родственных понятий в зависимости от детерминирующего контекста.

Результаты и дискуссия

Начиная с 1957 года понятие «функциональная грамотность» активно разрабатывалось ЮНЕСКО и получило официальное закрепление в 1965 году на Конгрессе министров просвещения по вопросам искоренения неграмотности в Тегеране, когда были четко разграничены понятия «грамотность» и «функциональная грамотность». С 1978 года данный концепт стал пониматься как форма подготовки человека к его социальной, гражданской и экономической роли в обществе, при этом показатели «минимальной грамотности», такие как чтение, письмо и счет считались обязательными предпосылками для его личностного роста и развития социума [35].

Интересным в этой связи представляется исследование американских психологов Коул М. и Скрибнер С., проведенное в 1981 году, в котором было акцентировано внимание на понимании феномена «грамотность» в психофизиологическом ракурсе развития личности [29]. Рассматривая влияние уровня грамотности на развитие когнитивных мыслительных процессов, ученые доказывают отсутствие их взаимообусловленности, при этом подчеркивают прямую связь между уровнем грамотности и степенью владения коммуникативными и рефлексивными навыками, а также между силой выраженности доминанты «научение» в определенном религиозном и культурно-историческом контексте и стремлением к познанию. Таким образом, исследователи доказывают, что функциональная грамотность непосредственно детерминирована пониманием механизмов и особенностей социально-обусловленной деятельности человека в ее различных аспектах.

Утилитарно-прагматический подход доминирует при рассмотрении концепта «функциональная грамотность» в работе Кирша И. и Гутри Дж. [23]. Они предлагают трактовать его как многомерное явление с позиции авторской теории «текст-задача-навык» (TTR theory – text-task-respondent). С точки зрения предлагаемого ими подхода, функциональная грамотность не является статичным показателем, но динамически отражает специфику задач, актуализирующихся в форме текста и требующих от респондента активизации различных навыков для их скорейшего решения. Данная позиция получила дальнейшее осмысление в трудах Уайт С., где понимание функциональной грамотности связывается со способностью использовать набор из семи отдельных навыков, необходимых для успешной работы с текстами, документами и цифровой информацией в ходе повседневной деятельности для того, чтобы успешно функционировать в обществе, достигать поставленных целей, развивать собственный потенциал и наращивать объем знаний [37].

Аналогичное понимание функциональной грамотности прослеживается в работе советского исследователя Тангян С. А., рассматривающего ее как растущий по мере развития общества объем знаний и умений, необходимый для полноправного и эффективного участия в экономической, политической, гражданской, общественной и культурной жизни общества и страны, для содействия их прогрессу и собственного развития [10].

Социально-экономический фокус в понимании концепта «функциональная грамотность» стал доминировать в мире с 90-х годов XX века, что связывали с актуализацией вопросов, касающихся развития человеческого капитала в условиях нарастающей глобализации, ценностной переориентацией образовательной парадигмы в большинстве стран мира. В этой связи, понятие «функциональная грамотность» практически перестало использоваться применительно к сфере образования, но получило качественно новое смысловое наполнение за счет тесной корреляции с социальной ассимиляцией, гражданственностью и культурной интеграцией как ключевыми индикаторами возможности трудоустройства и последующего эффективного функционирования в условиях высокой конкуренции на глобальном рынке труда [22, 25].

Исключительно социально-ориентированный контекст в понимании функциональной грамотности стал прослеживаться в документах, издававшихся по результатам международных мониторинговых исследований в области образования и получивших популярность с начала 90-х годов XX века. Так, в «Национальном исследовании уровня грамотности взрослого населения» (National Adult Literacy Survey – NALS) в Великобритании 1992 года использовалось трехкомпонентное определение функциональной грамотности, как способности работать с текстом, документами и цифровыми данными (PDQ – prose, document, quantitative), в соответствии с чем и разрабатывались задания для респондентов [27]. В ходе исследования проверялись следующие навыки: способность распознавать и расшифровывать значение незнакомых слов, находить необходимую информацию в тексте, понимать различные языковые структуры, производить вычисления, необходимые для выполнения определенной задачи, делать выводы на базе изученного материала, применять полученную информацию для достижения определенных целей. Тем не менее, в рамках данного исследования функциональная грамотность рассматривалась как одномерный концепт для определения которого применялся холистический подход, не подразумевавший анализа навыков, способствующих формированию функциональной грамотности, а следовательно, не давался ответ на вопрос, что именно обуславливает высокие или низкие показатели испытуемых.

Акцент на эффективном функционировании индивида в обществе является ведущим и в других программах оценки грамотности. В частности, в ходе международного исследования «Изучение качества чтения и понимания текста» (Progress in International Reading Literacy Study – PIRLS) было выработано определение «грамотности чтения» как способности понимать текст

и пользоваться языковыми формами в соответствии не только с индивидуальными потребностями, но и с требованиями общества [26]. Таким образом, грамотность понимается не только как результат образования, но и как ключевой навык, обеспечивающий возможность успешной социализации и функционирования личности в обществе [19, 25].

Схожая трактовка понятия «грамотность» была положена в основу «Международного мониторингового исследования качества школьного математического и естественнонаучного образования» (Trends in Mathematics and Science Study – TIMSS) [32]. Организаторами исследования использовалось понятие «функциональная научная грамотность» (functional scientific literacy), предложенное Байби Р., которое трактовалось не как способность помнить научные факты, но как способность применять знания математического и естественнонаучного характера в реальных жизненных ситуациях, а не только при выполнении абстрактных учебно-тренировочных заданий [17, 28].

Организация экономического сотрудничества и развития (OECD) в 2013 году инициировала «Программу международной оценки компетенций взрослых» (Programme for the International Assessment of Adult Competences, PIAAC) [30], в основу которой был положен компетентностный подход, а грамотность была провозглашена ключевой компетенцией и определена как комбинация знаний, навыков и отношений, соответствующих контексту, что предполагало возможность осуществления адекватных действий (функционирования) в высокотехнологичном обществе XXI века [9].

В аналогичном ключе интерпретирует функциональную грамотность российский ученый Лебедев О. Е. [6], считая ее основой для формирования компетентной личности в будущем, способной успешно решать функциональные проблемы, с которыми она сталкивается. Данную интерпретационную линию сохраняют Г. Ключарев и Е. Огарёв, понимая функциональную грамотность как способность к компетентно выстроенным эффективным действиям в реальной действительности [3]. Ученые подчеркивают глубокий социально-философский смысл данного концепта, что подразумевает вовлечение индивида в серьезную учебную деятельность, активное овладение профессиональной информацией с целью дальнейшей наиболее полной реализации витальных устремлений обучающегося в личностном и социальном плане. Леонтьев А. А. даже предлагает проводить разграничение между формальной и функциональной грамотностью, трактуя первую как владение навыками, а вторую, как умение эти навыки применять в реальных ситуациях [7].

Мацкевич В. и Крупник С. при определении функциональной грамотности также делают акцент на социальном измерении, особо подчеркивая, что «функциональная грамотность – это способность человека вступать в отношения с внешней средой и максимально быстро адаптироваться и функционировать в ней» [8, с. 312]. При этом, по мнению авторов, различия в интерпретациях функциональной грамотности зависят от влияния разнообразных социальных факторов и избираемых для ее рассмотрения контекстуальных фокусов. Вершловский С. Г. и Матюшкина М. Д. напрямую связывают выраженность функциональной грамотности с уровнем технологического развития общества и его благополучием и считают, что «функциональная грамотность выступает как способ социальной ориентации личности, интегрирующий связь образования (в первую очередь общего) с многоплановой человеческой деятельностью» [2, С. 141]. При этом авторы выделяют такие индикаторы функциональной грамотности как общая, компьютерная, информационная, грамотность действий в чрезвычайных ситуациях, владение иностранными языками, грамотность при решении бытовых проблем, правовая и общественно-политическая, коммуникативная грамотность. На наш взгляд, представленные в авторской интерпретации индикаторы свидетельствуют о формировании новых видов функциональной грамотности, что позволяет с определенной

долей условности говорить о появлении новых тематически обусловленных ракурсов в понимании базового концепта.

Данный вывод подтверждает позиция Е. А. Басовой, которая в своем диссертационном исследовании дает теоретическое и практическое обоснование функциональной грамотности в сфере коммуникации сквозь призму ключевых коммуникативных компетенций личности, приобретающих исключительно важное значение в условиях прогрессирующих коммуникативных контактов на всех уровнях современного общества [1]. Ученый особо подчеркивает, что данный вид функциональной грамотности является показателем достижения определенного уровня образованности, результатом образования индивидуально-личностного характера, позволяющим индивиду эффективно коммуницировать в стандартных и нестандартных ситуациях, тем самым применяя на практике полученные знания в области существующих норм общения, правил создания устных и письменных текстов, особенностей работы с разного рода информацией.

На факт мультиплицирования видов грамотности указывает работа Колесниковой И. А. «Новая грамотность и новая неграмотность двадцать первого столетия», в которой [4] на основе анализа преимущественно зарубежных источников, представлена классификация видов «грамотности» и «новой грамотности» (см. таблицу 1), последние из которых являются терминами следующего уровня обобщения, которые более универсальны по своей сути и отвечают запросам быстро трансформирующего информационно-образовательного пространства в ответ на смену технологических укладов.

Таблица 1

Виды «грамотности» и «новой грамотности»

Виды «грамотности»	Виды «новой грамотности»
грамотность чтения	многократная грамотность (multiple literacies)
естественно-научная грамотность	многомодальная грамотность (multimodal literacy)
математическая грамотность	полиграмотность (poliliteracy)
библиографическая грамотность	мультиграмотность (multiliteracy)
визуальная грамотность	трансграмотность (transliteracy)
научная и технологическая грамотность	
медиаграмотность	
аудиовизуальная грамотность	
компьютерная грамотность	
сетевая грамотность	
культурная грамотность	
поликультурная грамотность	
грамотность в сфере национальной (традиционной) культуры	
экологическая грамотность	

Примечание: составлено авторами на основе источника [4]

Несмотря на то, что Колесникова И. А. не обращается к рассмотрению видов функциональной грамотности, мы полагаем, что если исходить из понимания «функциональности», как умения «действовать, функционировать» в заданном контексте, то каждый из видов грамотности, выделенный по разным основаниям и представленный в Таблице 1, имеет и функциональное ядро, что позволяет говорить о возможности существования экологической функциональной грамотности или сетевой функциональной

грамотности, тем самым расширив рамки понимания и интерпретации концепта «функциональная грамотность» и терминосистемы современного образования. Также нами не исключен прирост понятийного ряда за счет нахождения новых объектов с целью формирования у них определенного вида функциональной грамотности [16].

Заключение

Начиная с середины XX века проблематика, связанная с грамотностью и функциональной грамотностью, получает достаточно широкое освещение в программных документах международных образовательных организаций и трудах как европейских, так и российских исследователей. Грамотность ассоциируют со свободой, экономическим ростом и бурным цивилизационным развитием [36], «в мире идут интенсивные процессы дифференциации и интеграции в сфере обнаружения и атрибуции различных видов грамотности, достаточно успешно в течение десятилетий идет проработка отдельных ее проявлений» [4, с. 5].

Повышенный интерес к разным видам «функциональной грамотности» обуславливает необходимость уточнения интерпретационного своеобразия данного концепта с позиций педагогической науки с учетом новых социально-экономических и образовательных реалий XXI века. В ходе проведенного анализа нами было установлено, что авторские интерпретации исследуемого концепта приобретают качественное своеобразие за счет трансформирующихся контекстных доминант, которые в свою очередь становятся основанием для концептуального оформления новых видов функциональной грамотности, таксономию которых еще предстоит разработать в дальнейшем. На современном этапе решающее влияние имеют социально-экономический, информационно-технологический, утилитарно-прагматический, культурно-исторический и религиозный контексты в их тесной связи с национальной и глобальной спецификой.

Быстрорастущее количество интерпретаций концептов «грамотность» и «функциональная грамотность», постоянное появление их новых видов и попыток их определения заставляет вслед за выдающимся отечественным методологом Краевским В. В., который в 2003 году в своей статье задавался вопросом «Сколько у нас педагогик?» [5], поставить аналогичный вопрос «Сколько у нас видов грамотности и функциональной грамотности и их интерпретаций?». Логично предположить, что в ближайшем будущем категориально-понятийный аппарат педагогики и образования будет пополняться за счет введения в оборот нового терминологического и интерпретативного ряда, связанного с концептом «функциональная грамотность». Однако, мы не исключаем возможности, что данный процесс может иметь и обратную тенденцию к редуцированию количества видов функциональной грамотности за счет появления абсолютно новых контекстов, органично минимизирующих предыдущую множественность за счет эффекта интеграции, как например в случае с «новой грамотностью» XXI века и ее видами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басова Е. А. Формирование у подростков функциональной грамотности в сфере коммуникации (на материале гуманитарных предметов): дис ... канд. пед. наук. – Санкт-Петербург, 2012. – 221 с.
2. Вершловский С. Г., Матюшкина М. Д. Функциональная грамотность выпускников школ // Социологические исследования. – 2007. – № 5. – С. 140-144.
3. Ключарев Г., Огарев Е. Непрерывное образование в трансформирующемся российском обществе. – М.: РОССПЭН, 2002. – 191 с.

4. Колесникова И. А. Новая грамотность и новая неграмотность двадцать первого столетия // Научный электронный ежеквартальный журнал Непрерывное образование: XXI век. – 2013. – Выпуск 2. URL: <http://i1121.petrsu.ru/journal/article.php?id=2091>.
5. Краевский В. В. Сколько у нас педагогик? // Интернет-журнал "Эйдос". – 2003. – 11 июля. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2003/0711-05.htm>.
6. Лебедев О. Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. – 2005. – №5. – С. 3-13.
7. Леонтьев А. А. От психологии чтения к психологии обучению чтению // Материалы 5-ой Международной научно-практической конференции (26-28 марта 2001 г.). В 2-х ч. Ч. 1. – М., 2002.
8. Мацкевич В., Крупник С. Функциональная грамотность // Всемирная энциклопедия: Философия. – Минск, Харвест, 2001. – 312 с.
9. Подольский О. А., Попов Д. С. Первое исследование компетенций взрослых в России // Вопросы образования. – 2014. – №2. – С. 82-108.
10. Танган С. А. «Новая грамотность» в развитых странах // Советская педагогика. – 1990. – № 1. – С. 3-17.
11. Федотова О. Д., Чигишева О. П. Теоретико-методологические основы сравнительной педагогики ФРГ: Монография. – М.: АПКИПРО, 2008. – 170 с.
12. Чигишева О. П. Непрерывное образование взрослых как ведущее стратегическое направление британского научно-педагогического дискурса // Теория и практика общественного развития. – 2012. – №8. – 204-207.
13. Чигишева О. П. Образование для устойчивого развития в современном глобализирующемся обществе // Общественные науки. – 2010. – 6. – 157-162.
14. Чигишева О. П., Окунева И. А. Становление теоретических основ педагогики в условиях расширения глобализационных процессов: транскультурный аспект // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. – 2010. – 3(13). – С. 101-109.
15. Чигишева О. П., Солтовец Е. М., Бондаренко А. В. Роль формальной и неформальной составляющих в повышении функциональной иноязычной грамотности ППС ЮФУ: результаты анкетирования // Международный журнал экономики и образования. – 2016. – Том 2. – Номер 3. – С. 7-21.
16. Шаринец Н. С. Этапы коррекционно-педагогической работы по формированию функциональной грамотности у учащихся с интеллектуальной недостаточностью // Вестник Мозырского государственного университета им. И. П. Шамякина. – 2015. – № 46. – С. 101-108.
17. Bybee R. Achieving scientific literacy: From purposes to practices. Portsmouth, NH: Heinemann, 1997.
18. Fedotova, O., Chigisheva, O. Comparative analysis: methodological optics in the ideological context // International Perspectives on Education and Society. – 2015. – Т. 26. – С. 57-82.
19. Giddens, A. Sociology. Cambridge: Polity, 2009.
20. Gray, W. S. The teaching of reading and writing. Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1956. – P. 19.

21. Han, S. D., Boyle, P. A., Arfanakis, K., James, B. D., Bennett, D. A. Financial literacy is associated with white matter integrity in old age // *NeuroImage*. – 2016. – 130. – P. 223-229.
22. Hamilton M., Burgess A. Back to the future?: functional literacy and the new skills agenda. Discussion paper. URL: <http://eprints.lancs.ac.uk/66608/>.
23. Kirsch I., Guthrie J. T. The concept and measurement of functional literacy // *Reading Research Quarterly*. – 1977. 13. – 485-507.
24. Kuz'mina, Yu. V., Popov, D. S. Adults' literacy as mechanism for their societal inclusion // *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. – 2015. – January (7). – P. 48-57.
25. Levine K. Functional literacy: Fond illusions and false economies // *Harvard Educational Review*. – 1982. – 52. – P. 249-266.
26. Mullis I. V. S., Martin M. O., Kennedy A. M., Trong K. L., Sainbury M. PIRLS 2011 Assessment Framework. URL: https://timssandpirls.bc.edu/PIRLS2011/downloads/PIRLS2011_Framework.pdf.
27. National Adult Literacy Survey – NALS. URL: <https://nces.ed.gov/statprog/handbook/pdf/nals.pdf>.
28. Roth M. (2003). Scientific literacy as an emergent feature of collective human praxis // *Journal of Curriculum Studies*. – 2003. – 35(1). – P. 9-23.
29. Scribner S., Cole M. *The psychology of literacy*. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981. – 336 p.
30. Technical Report of the Survey of Adult Skills (PIAAC). Paris: OECD Publishing, 2013.
31. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?menu=2361>.
32. Trends in Mathematics and Science Study – TIMSS. URL: <https://nces.ed.gov/timss/>.
33. Tsubakita, T., Kawazoe, N., Kasano, E. A new functional health literacy scale for Japanese young adults based on item response theory // *Asia-Pacific Journal of Public Health*. – 2017. – 29(2). – C. 149-158.
34. Uhuegbu, A. R., Edung, M. T. U. Functional foreign language literacy for higher education and research: The case of French in Nigerian universities // *Arts and Humanities in Higher Education*. – 2015. – 14(4). – P. 398-408.
35. UNESCO. Revised Recommendation concerning the International Standardization of Educational Statistics. General Conference of UNESCO. Paris, 27.09.1978. URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13136&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html.
36. Wagner D. A. Literacy. In: M. Bornstein (Ed.) *Handbook of Cultural Developmental Science*. NY: Taylor & Francis, 2010.
37. White S. *Understanding functional literacy: Connecting text features, task demands, respondent skills*. New York: Routledge, 2010.
38. *World illiteracy at mid-century*. Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1957, p. 18.

Chigisheva Oksana Pavlovna

Southern federal university, Russia, Rostov-on-Don
E-mail: opchigisheva@sfedu.ru

Soltovets Elena Maratovna

Southern federal university, Russia, Rostov-on-Don
E-mail: hsolt@mail.ru

Bondarenko Anna Valeryevna

Southern federal university, Russia, Rostov-on-Don
E-mail: anna.bondarenko@sci-cooperation.ru

Interpretational characteristics of the concept “functional literacy” in Russian and European theory of education

Abstract. The article is concerned with the interpretation characteristics of the concept “functional literacy” presented in Russian and European theory of education. The urgency of addressing this issue is due to the growing interest to the indicated phenomenon and the lack of unity in its understanding, which is extremely necessary in the conditions of globalization and increasing competition at the labor market, promoting sustainable development ideas in most countries of the world and expanding opportunities for obtaining quality education throughout life. The article presents the results of the desk study performed with a primary use of theoretical methods. When analyzing domestic and foreign works on the research problem, as well as documents published according to the results of international literacy monitoring programs (NALS, PIRLS, TIMSS, PIAAC), special emphasis was placed on the use of interpretation, forecasting and method of terminological analysis. It was stated within research that at present the concept of “functional literacy” tends to demonstrate the increase in the number of interpretations and interpretational grounds, which indicates the emergence of new types of literacy and functional literacy, the qualitative nature of which varies depending on a certain context: socio-economic, information and technological, utilitarian and pragmatic, cultural and historical, religious. This article is an attempt to define the place of the concept “functional literacy” in the category and conceptual apparatus of modern pedagogy and education, as well as to represent author's vision regarding its possible development under the influence of national and global transformations in the future.

Keywords: functional literacy; interpretation; educational policy; transformation; Russia; Europe